

Фраза, вынесенная в заголовок, взята в кавычки, поскольку вырвана из контекста (сам текст тоже приведу, но попозже). А почему вопросительный знак не поставил? Так давайте спросим себя, нужен ли он. Как-то так получилось, что в этом «интересном» вопросе все нам ясно-понятно. В общих, так сказать, чертах. Но что, собственно, ясно? И откуда эта ясность к нам пришла? Появился вдруг у меня повод задуматься над этим.

ОТ «ПОПОЕК» ДО «ЗАПОЕВ»

В середине октября в Смоленске побывал и выступил с лекцией в нашем университете Джеффри Хоскинг (1942 г.р.) – академик Королевской академии наук Великобритании, профессор Лондонского университета, почетный доктор Института Российской истории РАН. Почему вдруг столь авторитетный ученый заглянул к нам – после выступлений в Берлине и Москве? Где-то за месяц перед этим, при посредничестве дочери Твардовского, получили мы статью лондонского профессора «По праву памяти: Александр Твардовский и культурный кризис послесталинской России» – для публикации в очередном сборнике Твардовских чтений (эта статья и легла в основу выступлений мистера Хоскинга на континенте).

В письме Валентина Александровна сообщала, что профессор работает над «книгой о 60-х гг., ключевой фигурой которых он считает А.Т. взгляд со стороны всегда интересен». Мало сказать интересен – я был поражен, насколько не просто иностранец – но англичанин (не эмигрант, не «ближнее зарубежье») – свободно владеет «великим и могучим», насколько глубоко он «в материале». Иные наши ученые, пишущие о Твардовском, право, могут позавидовать. (Позднее выяснилось, что даже с большинством сборников Твардовских чтений Джеффри Хоскинг познакомился – и не где-нибудь, а в самой крупной в мире Британской национальной библиотеке!). Под этим впечатлением не сразу разобрался, что меня смущает. Вроде бы, все точно излагает автор:

«У Александра Трифоновича была трудная молодость: раскулачивание семьи, вынужденный отказ от них, арест близких друзей и коллег, угрозы собственного ареста, смерть маленького сына, военная жизнь, отчасти на фронте. В сущности, его трагедия была трагедия целого творческого поколения, можно сказать даже целого народа. Ведь все слои населения прошли огромные потрясения: коллективизацию, массовый переезд из деревни в город, террор, ГУЛАГ, Отечественную войну, послевоенную бедную жизнь. Можно даже говорить о психической травме целого поколения».

Профессор явно на стороне Твардовского, постоянно подчеркивает его огромные заслуги не только в литературе, но в культуре, истории Советского Союза и России. В отличие от многих наших ученых и неученых критиков королевский академик утверж-

дает, что «Твардовскому удалось перебороть свои “утренние ужасы” и свои попойки». Благодаря воспоминаниям загорьевского детства, воспитанию в семье и, особенно, репрессированному отцу.

Эти деликатные «попойки» в устах ученого англичанина вызвали у меня невольную улыбку. Валентина Александровна в ответном письме профессору поправила его: «“попойки” – это не про А.Т. Здесь нужно иное слово: страшное и жестокое: “запой”». Это замечание профессор учел, и в стенах бывшего Смоленского пединститута, который поэт покинул 85 лет назад, не раз звучали эти самые «запой». Ну как, дескать, не запить когда нескончаемые «травмы», гонения, когда у всего народа «психический недуг». Другие замечания дочери поэта в этот раз, в основном, остались за чертой. Приведу здесь лишь несколько фраз из письма Валентины Александровны для общего представления о сути этих замечаний: «Годы молодости А.Т. характеризуются не только репрессиями, но и подъемом духовных сил общества, верившего, что строит социализм, бескорыстным энтузиазмом строителей, героизмом и жертвенностью во имя идеалов... От этих общественных настроений, отразившихся в нашей литературе и искусстве, А.Т. не остался в стороне. Именно это, как и вера в свое призвание, любовь к литературе, помогло ему выстоять в жизненных испытаниях. А память об отце оставалась у А.Т. до конца жизни горькой, хотя он и любил его, и от юношеского максимализма в его оценке быстро отшелся».

«РАЗДВОЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ»

Была предварительная договоренность, и сразу по его прибытии на родину «первого поэта России» мы встретились с профессором Хоскингом. Несмотря на высокие ученые степени и звания и наперекор имевшемуся у меня представлению о специфическом британском снобизме, профессор оказался простым в общении, доброжелательным человеком. Знатком русской истории, культуры – интересным собеседником. Не было ни малейшего языкового барьера. И все же вот на этом месте, на упомянутом В. Твардовской «бескорыстном энтузиазме строителей, героизме и жертвенности во имя идеалов», на «счастье» быть со всей страной в ее трудном пути – здесь была некая препоны. Перечитавши гору литературы о Твардовском (увы, мы столько «чернухи» сами про себя написали!), профессор «не увидел» однозначного свидетельства самого А.Т. в собственноручной его «Автобиографии»: «Эти годы учебы и работы в Смоленске навсегда отмечены для меня высоким душевным подъемом. Никаким сравнением я не мог бы преувеличить испытанную тогда впервые радость приобщения к миру идей и образов, открывшихся мне со страниц книг, о существовании которых я ранее не имел понятия. Но, может быть, все это было бы для меня «прохождением» институтской программы, если бы одновременно меня не захватил всего целиком другой мир – реальный нынешний мир потрясений, борьбы, перемен, происходивших в те годы в деревне». Это как раз тогда, когда семью Трифона Гордеевича сослали на Северный Урал.

Как это поэт мог быть счастлив и «захвачен» *такими* переменами в деревне?! Профессор изучил воспоминания братьев поэта – Ивана и Константина – они «свидетельствуют» о «неотмолимом грехе» отказа от семьи и муках совести поэта до самых последних его дней.

Вот тут я скажу вещь, которая возмутит сегодняшних поборников семейных устоев: Твардовский *не мучился совестью*. А если и мучился, то «стыдом за своих, либо опасе-

нием чего-то стыдного» (дневник А.Т., 12.11.1943 г., Смоленск). Увы, у него были основания так писать. Чтобы понять, надобно ощутить пульс и дух того времени – и весь трагизм неразделенной любви поэта к родной семье. Он хотел бы гордиться ими. В поздних дневниках поэта мне встретилась запись, смысл которой я сразу не понял. Он сожалеет о знаменитой строчке из стихотворения «Братья»: «Где ты, брат? На каком Беломорском канале?». Строчку эту толкуют обычно, как упоминание о «репрессированной» доле (Кости, а не Ивана, как на уроках сегодня поясняют. В то время семья ничего не знала о судьбе старшего брата). Мол, политзаключенные канал строили, чуть не в кандалах. Но Беломорканал в год написания стихотворения (1933) был превознесен везде как грандиозная ударная стройка – в ряду Днепрогэса, Кузнецка, Магнитки, Косомольска-на-Амуре и многих других. В газетах, книгах и поэмах воспевался трудовой подвиг самоотверженных строителей. Получалось, что «брата» поэт невольно причислил к героям. А братья-то его и отец как раз бегали с «трудового фронта». Так получилось, что третий уход «свободолюбивых» (их никто там не охранял) братьев с леспромхоза в Парче совпал с началом публикации в журнале «Молодая гвардия» романа Островского «Как закалялась сталь» (апрель 1932 г.). Вспомните, как на героическом строительстве узкоколейки в Боярке ровесник Ивана Твардовского бросил на стол комсомольский билет, не желая работать в таких условиях (в разы худших, чем в Парче) и подышать от голода, холода и тифа. И как этого «шкурника» горячие комсомольские головы предлагали ... расстрелять. Нет, его отпустили, запятнав всеобщим презрением. И в «застойные» годы моей школьной учебы этот тип симпатий не вызывал, а Твардовский и вовсе жил «тогда еще». Он один из всего семейства был ... как Павка Корчагин. Но, в представлении английского профессора, это, очевидно, и являлось «психическим недугом». Словом, консенсуса у нас не случилось.

Но чего требовать от человека с иной ментальностью, если младший современник Твардовского, пригретый «Новым миром» (еще до «Чонкина») Владимир Войнович, не мог понять: «Как можно любить власть, которая раскулачила, сослала в Сибирь (?) его отца и старшего брата? Я не осуждал Твардовского, – продолжает он, – просто пытался понять, но мне это не удавалось. Раздвоенность сознания помогала ему до поры до времени существовать в относительном мире с советской системой, но разрушала его. Свои сомнения он, подобно Шолохову или Фадееву, глушил водкой, и чем дальше, тем чаще выпивки в кругу друзей заканчивались уходом в одинокий запой» («Автопортрет»).

Итак: «травма», «психический недуг», «раздвоенность сознания» – все от раскулаченной семьи. Итог один – запой.

«ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ»

Эта схема повторяется с завидным постоянством, и уже где-то в подкорке у нас отложилась. Многие считают, что автор ее Солженицын: в своем «Теленке» он многократно с ханжеским сочувствием живописует «слабость» Трифионовича – все от той же «травмы», даже «травм». Хотя о «недуге» Твардовского доверительно рассказывали слушателям всяческих «закрытых» курсов партийные лекторы аж от самого ЦК. Это было еще при жизни вставшего в опалу редактора «Нового мира». «Информация» носила характер совершенно дикой, непуганой клеветы на народного любимца. Из каких мутных источников ее черпали?

Не где-нибудь – у «советских» предпроектной поры писателя Солоухина встречаем характернейший «перл» (и таковых сотни!) середины 70-х: «... в то самое время, когда поэт <Твардовский> воспевал(!) коллективизацию, его родители мучились и гибли(!) на Беломорканале(!!!). Рассказывают(!), что ему разрешили(!) съездить на Север и разыскать(!) родителей. Отца он уже не застал в живых(?!), там(?) быстро перемалывали людей, а мать нашел всю во вшах, чуть живую от изнурения и голода(?!). И еще непонятно многим, спрашивают еще, отчего Твардовский пил горькую. Совесть у него болела всегда, но тайно». И это не «старухи» Высоцкого «разносят», а суперинтеллектуальный герой толстого романа «Последняя ступень» – «известнейший фотограф» (прототип – художник Илья Глазунов). Мало сказать, что это вранье от первого до последнего слова – это взгляд как раз через дырку, проковырянную в общественной уборной. И до сих пор подобное приходится слышать. Особенно обидно – здесь, на «малой родине».

Недавно у родителей Твардовского минули юбилейные даты: Марии Митрофановне в 2018-м исполнилось бы 130 лет, а у Трифона Гордеевича нынче – семь десятилетий со дня кончины. Умер он вовсе не безымянным ссыльным, перемолотым на неведомом ему Беломорканале, не дождавшись «неотмолимого» сына. Тот как раз при первой возможности (в 1936-м) родных из уральской ссылки вывез. Они, кстати, там вовсе не бедствовали. Собственно, в месте высылки дольше всех (полтора года) жила и работала мать с дочками и младшеньким Васей. Потом вернувшийся из бегов глава семейства увел семью в Русский Турек – богатое село на Вятке. Были они на хорошем счету в местном колхозе «Красный пахарь». Маша и Вася ходили в школу, 16-летний Павел приехал к семье от смоленской тетки и работал с отцом в кузне. В 1934-м около полугода жил с ними гонимый ветром странствий брат Иван. «...Мы хорошо зарабатываем, – пишет он в своей «Родине и чужбине». – И ни охов, ни вздохов, о хлебе никто не толкует: мука продается свободно, на столе всегда свежий, домашней выпечки чудесный каравай. И я про себя дивился: ведь в это самое время в Зауралье люди умирали от истощения».

Трифон Гордеевич пережил войну и скончался в августе 1949 года от рака – в квартире на Запольной, которую выхлопотал А.Т., в кругу семьи. За год перед этим, когда болезнь дала о себе знать, Александр забрал отца в Москву и сделал все, что можно, для его спасения. Об этом вспоминает в одном из писем В.А. Твардовская (опубликовано в 13-м сборнике Чтений). Хоронили раскулаченного несостоявшегося «жителя» кузнеца Гордеича, что называется, всем городом, со всеми возможными по тем скудным временам почестями (см. статью Гелика в 3-м сборнике Чтений). За мощным ЗиСом, в кузове которого стоял гроб, вслед за родственниками двигалась областная и городская партийная, комсомольская и хозяйственная верхушка. Возле дома и весь немалый путь от Запольной до Братского кладбища играл военный оркестр – без малого сорок музыкантов. Были поэты и писатели из Москвы, речь над гробом держал первый секретарь обкома Попов, возглавлявший в годы войны партизанское движение на Смоленщине. К могиле было не подступить из-за огромной толпы на просторном тогда еще Братском кладбище, люди плакали. Все это была дань сочувствия и уважения земляков первому советскому поэту Александру Твардовскому.

Вот этого поэт должен был стыдиться и болеть совестью?.. (На днях как раз мне стало стыдно. Давно не заглядывал, а тут «по дороге» завернул вдруг на могилу родителей Твардовского (они под одной плитой) – досадуя, что без цветов. Нет, идти надо было с граблями, лопатой, мешками для мусора, краской... Ну, теперь уж до весны).

«ПИТЬ ДЛЯ МЕНЯ СЛИШКОМ ДОРОГО СТОИТ...»

Уже привычно, традиционно 19 декабря в областной библиотеке, носящей имя поэта, прошли пятнадцатые по счету Твардовские чтения. Пятнадцатые!.. Зародились они не по разнарядке сверху, а как общественное движение. Против замалчивания и принижения, против «отъявленной лжи» и «правды, сказанной злобно», против «мстительной памяти» и «омерзительного «торжества мелких душ», уверившихся, что пришло, наконец, их время.

Естественно, мы не могли за столько лет оставить безответно и тот самый «интересный» вопрос, вынесенный в заголовок. Особенно обстоятельно в числе прочих «грехов» рассмотрел проблему «пития» бывший инженер авиационного завода Валерий Рыжов уже на первых Чтениях – в декабре 2005 года. Его выступление «Мифы прошлого – рифы на пути к истине» стало поистине программным и заняло достойное место в первом нашем сборнике (всего их уже 13). Увы, оно было последним, ибо через несколько месяцев жизнь талантливого «народного» литературоведа трагически оборвалась. Своими «частными» расследованиями он уже много лет говорит нам: не верьте на слово, думайте сами, копайте глубже, не ждите, когда в рот положат, – не всегда это конфетка.

Он не бросается с шашкой наголо защищать Твардовского, опровергая очевидные факты, а дает слово самому Александру Трифоновичу. Так совпало, что перед самым открытием наших Чтений дочери Твардовского завершили публикацию в журнале «Знамя» отцовских дневников 60-х годов (Александр Трифонович именовал их «Рабочими тетрадами»). И мы как бы подхватили эстафету – читать, обдумывать и задействовать их. Публикации в «Знамени» растянулись почти на шесть лет, их невозможно было охватить в целом даже заинтересованному читателю. Валерий Михайлович оказался одним из самых заинтересованных и первым, кто «показал» много принципиально важных моментов в воспоминаниях редактора «Нового мира». В том числе привел он и фрагмент записи от **16.XII.68** (здесь мы расширяем процитированный автором фрагмент: в статье Рыжова нет первых трех абзацев – а они тоже важны):

«Этими днями листал тетрадки и напал, между прочим, на запись, восстанавливающую, как вчерашний день, в памяти прискорбные обстоятельства дня, которому уже четверть века. Это было, когда я жил со стариками на Запольной, а поезд наш стоял в Колодне. Ездили, помню, с Тим[офеем] Вас[ильевичем] (редактор «Красноармейской правды» Т.В. Миронов. – **П.П.**) к гостям нашего фронта из Узбекистана (?), привезшим много вина, легкого при питье, но коварного в последствиях...

Третьего дня в результате глупейшей и пошлейшей попойки в беспамятстве разбил лицо, нос, лоб – так что невозможно показаться на люди. Кажется, что это недвусмысленный подсказ: кончай. Все дурное, пошлое, вредное, нечистое, что бывало со мной, все, что мешает мне быть достойно, – от пьянства, распущенности, если не алкоголизма. Кончать нужно бесповоротно, без громких зарок, тихо и серьезно. Может быть, еще не поздно мне очиститься и возродиться. Если даже поздно, пить для меня слишком дорого стоит в смысле душевных расплат. Рубец, что у меня останется на лбу (и на носу – для пушей памятности!) будет мне ежедневно напоминать о моем решении. Если я скovyрнусь вновь, это уже будет безнадежно...

Вон, оказывается, когда я уже знал цену этому делу, понимал масштабы беды.

Но, боже мой, с этой бедой, то порывая с ней ненадолго, то вновь смыкаясь с ней, я прожил еще 25 лет. И написал огромное количество строк и страниц и перечитал штабеля чужих рукописей — и не просто перечитал! — и целые полки печатных книг и т.д.

Можно подумать, что если бы я не пил, то сделал бы еще больше и лучше во много раз, но я знаю, что это не так, и тут уже ничего не напишешь. Сложился такой ужасный ритм приливов и отливов, когда вслед за беспамятством, бездельем и пустоутробием «вождения медведя» и вслед за мучительным «переходным периодом» наступал всегда большой душевный подъем, упоение трезвостью, ясностью, возродившейся силой. Только с годами «переход» становился все труднее и труднее.

Ни одной строки я не написал во хмелю, читать (печатные книги) случалось (иногда и рукописи, но не править!).

Открывая первые Чтения, В.А. Твардовская заметила, что в «Рабочих тетрадах» А.Т. анализирует свои поступки с «беспощадной откровенностью». После процитированного вряд ли кто станет с этим спорить. Можем ли мы, в принципе, спросить с него строже? Но Твардовский не был бы Твардовским, если б только каялся, не пытаюсь «дойти до самой сути». Вот это «я знаю, что это не так» (то есть не мог бы сделать больше) — означает, что он выжал из себя максимум. Ценой вот этого «ритма», который сам называет «ужасным». Через пьяное беспамятство, муку «переходного периода» («когда одинаково ужасны и жизнь, и смерть») — к духовному подъему, упоению трезвостью, ясностью, силой.

Таков непреложный закон — с годами теряется острота впечатлений, стираются краски и запахи. А память-то твердит: «...В один присест, бывало,/ Катал я в рифму по сто строк,/ И все казалось мало./ Был неогляден день с утра,/ А нынче дело к ночи...» И как прорваться к этим молодым, горячим строчкам, через серые безвкусные сумерки? Умереть — и возродиться! С каждым разом все мучительнее переход, все смертельнее риск — все меньше эффект, и «тут уже ничего не напишешь». Его шестьдесят вместо девяноста — это цена «ужасного ритма», которым оплачены «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете», «По праву памяти». И беспримерное «новомирское стояние» ту же цену имело. Он собственной жизнью платил и, оглядываясь в минувшее, с чисто мужицким удовлетворением заключал, что честно он тянул свой воз. Дай бог любому из нас так подбить итоги.